

Григорий Курлов

Обалденника Книга-состояние

ФИЛОСОФИЯ СМЕХА

Часть третья

**Григорий Петрович Курлов
Обалденика. Книга-
состояние. Фаза третья
Серия «Обалденика», книга 3
Серия «Философия смеха»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8611387

*Григорий Курлов. Обалденика. Книга-состояние. Фаза третья: ИГ
«Весь»; Санкт-Петербург; 2007
ISBN 978-5-9573-1253-6*

Аннотация

Эта книга написана не для того, чтобы быть всего лишь прочитанной. Ее бесполезно хранить – ею надо пользоваться.

Она – вызов незыблемому стереотипу твоего существования. Она – проклятье для покоя, но еще большее проклятье для твоей суеты. Она – насмешка над серьезностью и приговор твоей значимости.

Сверхзадача книги – разрушить затянувшийся сон и стать гвоздем в твоей благословенной заднице, всячески мешая заснуть снова.

Эта книга – пропуск в себя самого. Она о Смехе и для Смеха. Она о Боге и для Бога. А значит, она о тебе и для тебя.

Но это всего лишь книга, и без тебя она просто мусор. Можешь отнестись к ней без всякого уважения – зарисовывай ее фломастерами, капай на нее чаем, читай исключительно в туалете, но главное, – позволь ей работать с тобой, и разреши себе играть с ней.

Если ты смелый человек...

Содержание

Предисловие к серии	5
Еще немного благодарностей	8
Освоение пространства сказки, или школа дурака	9
Наши люди	13
Кодекс дурака	15
Состояние первое, дурацкое	25
Краткое содержание глав предыдущих, сказочных, о старике Пете нестаром повествующих	25
Техника «да, да»	62
Состояние второе,	65
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Григорий Курлов Обалденика. Книга- состояние. Фаза третья

Предисловие к серии

Книги, публикуемые в серии «Философия Смеха», связаны воедино не просто общей темой. Исследуемый в них СМЕХ обнажает нечто большее, чем просто совокупность понятий. Объединяющее качество смеха помогает вскрыть потенциал совершенно иного способа существования, более того – формирует уникальные механизмы для его реализации.

Сейчас уже никто не сомневается, что в своем отношении к Миру, а главное, к себе, человечество давно зашло в тупик. Состояние непрерывной борьбы со вся и всем: с болезнями, с природными катаклизмами, с самим собой – окончательно подорвало его жизненные силы и полностью обнулило естественную внутреннюю динамику.

Нынешнее человечество испытывает колоссальный дефицит оптимизма. По поводу своего настоящего, своего будущего, по поводу своей способности быть счастливым. Оно давно подозревает, что ему не стоит ждать милости от при-

роды, после того, что оно с ней сделало. Особенно – с природой своей, человеческой.

В книгах, вошедших в серию, предлагается более чем неожиданный выход из сложившейся ситуации. Выход предельно простой, абсолютно естественный и доступный любому.

Каждая книга – это прежде всего практическое руководство. Руководство не только по решению насущных проблем, но одновременно – по возвращению к своей естественной человеческой природе. Это пособие по обретению действительно качественной и изобильной жизни. По обретению Жизни вообще.

В серии выходят книги «Проктология Счастья», «Обалденика. Книга-состояние» (книги 1 и 2, разделенные на 4 фазы) и, в ближайшее время, – «0,14. Книга-трансформация».

Книга «Обалденика. Книга-состояние» ранее уже публиковалась под названием «Путь к Дураку», однако включение в общую серию потребовало некоторого изменения ее внутренней структуры и, как следствие, самого названия.

«Проктология Счастья», написанная несколько позже, является естественным продолжением тем, поднятых в первой книге, и их закономерным развитием.

И, наконец, «0,14. Книга-трансформация» выводит исследуемые темы на совершенно новый и во многом неожиданный уровень, рассматривая вопросы изменения физической основы человека и, как неизбежное следствие, – самого про-

странства его существования.

А стержнем всех книг является призыв к непрерывному движению в сторону комфорта, к превращению своей жизни в источник неизбывной радости, радости от всего и всегда.

Еще немного благодарностей

Автор благодарит Алфавит за любезно предоставленные буквы; Интернет – за вовремя подсказанные шутки; кошку Алису – за неустанные ночные бдения на его письменном столе; Вселенную – за ехидные вопросы, которые помогли рассмотреть ответы, валявшиеся под ногами.

**Освоение пространства
сказки, или школа дурака
Книга вторая
Фаза третья**

Дураку, живущему в тебе...

И вначале было слово, и слово было у Бога, и слово было – Дурак.

И что делать с ним, Бог не знал. Ибо в совершенстве своем забыл значение его. Что-то невыразимо давно прожитое, но бесконечно-притягательное...

И решил Бог вспомнить. И игру задумал... Пять дней строил он площадки игровые, замысловатые. А на шестой день создал игрока главного и имя дал ему Адам-Дурак.

И ходил Дурак по местам божьим дурак дураком. Чем заняться, не знал. И оттого такая тоска на Бога накатила, что подвел он Адама-Дурака к дереву и ткнул пальцем.

– Не ешь с него, – сказал, – не будь дураком. А то выгоню.

– Куда? – спросил Дурак.

– Куда-куда... – растерялся Бог. – Уж найду куда. Ты главное – не ешь.

И спрятался сам. И ждать стал. И ждал он недолго. Ибо был бы Дурак дураком последним, если б не понял, чего Бог ждет от него. И съел Адам-Дурак яблоко из уважения к Богу.

И не стало Дурака. И остался Адам как сиротинушка...

И осерчал Бог, радостно потирая руки от удачно сделанного хода.

И выгнал Адама.

*И молвил напоследок: «Без Дурака не возвращайся. Не пу-
щу».*

И завертелась свистопляска.

И пошла игра.

Наши люди

Сократ – наш человек, потому что сказал: «Я знаю, что я ничего не знаю».

Нильс Бор – наш человек, потому что заявил как-то: «Эта теория недостаточно безумна, чтобы быть правильной».

Григорий Горин – тоже наш человек, это его фраза: «Умное лицо еще не признак ума. Самые большие ошибки совершались именно с этим выражением лица».

Экклезиаст – наш человек, это им сказано: «Умножающий знание умножает скорбь».

Михаил Жванецкий – ну просто наш человек, и все тут!

Станислав Ежи Лец – безоговорочно наш, ведь именно им написано: «Шутовские колокольчики сбивают с толку собак Павлова».

Лао-цзы – наш человек, не случайно им сказано: «Истина изреченная есть ложь».

Михаил Задорнов – «в доску» наш, ведь это у него прозвучало: «Осмеянная проблема перестает быть проблемой».

Архимед – наш человек, не верите? Тогда сами побегайте голым по улицам с криком «Эврика!»

Норман Казинс – конечно же, наш человек, ведь ему уда-

лось рассмешить саму Смерть.

Ходжа Насреддин – наш человек – нужны ли аргументы?

Диоген – несомненно, наш человек, ведь это он ходил днем с фонарем в поисках Истины. Не нашел, кстати.

Вильям Шекспир – наш человек, ибо на весь мир заявил: «Дурацкий колпак мозгов не портит».

Григорий Сковорода – наш мужик, это у него на могиле было начертано: «Мир ловил меня, но не поймал».

Раджниш – наш человецище, это им неоднократно говорено: «Смех так же свят, как и молитва».

Жан Мольер – тоже наш человек, так как сказал: «Лучше бейте меня, но дайте мне смеяться».

Альберт Эйнштейн – однозначно наш человек, достаточно взглянуть на фотографию, где он показывает язык всем умникам.

Вы хотите встать в один ряд с этими людьми?

ПЕЧЕК МНОГО. ДУРАКОВ МАЛО.

Кодекс дурака

1. Ищите Дурака, да обрящете.
2. Эволюция развивалась от умного – к Дураку. Умный может открыть в себе Дурака. Дурак никогда не согласится стать снова умным, «дурак» с маленькой буквы – тупиковая ветвь эволюции.
3. Дурак настолько прост, что в него отказываются верить.
4. – Дураку закон не писан, – смеется Дурак, – поэтому он обречен быть свободным.
5. Когда умный, становясь Дураком, просыпается – Мир исчезает. Затем Дурак, смеясь, выстраивает его заново.
6. Разум – ловушка Дьявола. Дурак – выход из нее, данный Богом.
7. – Большинство умных, – смеется Дурак, – умирает так и не успев родиться.
8. Дурак – прекрасный игрок: он никогда не побеждает.
9. Но Дурак непобедим, так как никогда не сражается.
10. Неудачи преследуют всех, но Дураков они не могут догнать.
11. – Зачем предаваться греху уныния, – смеется Дурак, – когда есть другие грехи?
12. Дурак всегда ходит с открытым ртом – поэтому он всегда сыт.
13. – Познай себя, – смеется Дурак, – пока тебя не poznали

другие.

14. Дурак в чудеса не верит. Он ими пользуется.

15. – Возлюби Дурака в ближнем своем, – предлагает Дурак.

16. Все люди от Бога, но лишь Дурак к Богу.

17. А все ли ты сделал, чтобы стать Дураком?

18. Дурак ни за что не борется. Он просто ни от чего не отказывается.

19. Смех – кратчайший путь от умного к Дураку.

20. Дурак никогда ничего не ищет, так как знает, что если найдет, то только себя.

21. Дурак всегда рядом. Когда умный, наконец, находит его, то потом долго смеется, вспоминая свои поиски.

22. Что Дурак ест, то он и есть. А он ест все.

23. Умный борется с Сатаной. Дурак лишь смеется, слыша это имя.

24. Ищи Дурака в сердце своем.

25. Когда Ницше сказал: «Бог умер!» – он поторопился. Ведь Дурак остался.

26. Конец света не наступит, пока есть хоть один Дурак.

27. Не Мир создал Дурака, а Дурак – Мир.

28. Заставь Дурака Богу молиться – такой хохот раздастся сверху!

29. Дурак всегда влюблен.

30. – Чем ты владеешь, то владеет тобой, – смеется Дурак, заглядывая в свой пустой карман, – если ты не владеешь ни-

чем, то у тебя есть все, – продолжает он, доставая оттуда бутерброд.

31. – Как много нужно делать, чтобы не быть несчастным, – смеется Дурак, – и как мало, чтобы быть счастливым.

32. – Богатым становится не тот, кто знает, как стать богатым, – хохочет Дурак, – а тот, кто не знает, как быть бедным.

33. Карман у Дурака всегда полон, потому что – дыряв.

34. Дурак моргнет – и мир другой.

35. – Хороший Бог, – смеется Дурак, – это Бог, о котором рассказывают анекдоты.

36. Бог с Дураком играют в прятки. Дурак не ищет, но постоянно находит.

37. Все, что умный может представить, Дурак может создать.

38. Дурак может все, но хочет лишь то, что имеет.

39. – Научись хотеть то, что имеешь, – смеется Дурак, – и будешь иметь все, что хочешь.

40. – Ты счастлив не потому, что все хорошо, – хохочет Дурак, – а все хорошо потому, что ты счастлив.

41. – В мире спящих, – смеется Дурак, – умный – это король. Но тому, кто проснулся, король не нужен.

42. – Как слепой не поймет зеркала, – добавляет Дурак, – так спящий – Дурака.

43. – Когда люди соглашаются со мной, – говорит Дурак, смеясь, – мне всегда хочется извиниться.

44. – Если ты крепко стоишь на ногах, – смеется Дурак, –

не забудь выяснить – на чьих именно?

45. – Кодекс Дурака – это зеркало, – хохочет Дурак, – если его читает осел, то и увидит...

46. – Чем громче смех – тем ближе к Богу, – смеется Дурак.

47. – Спроси меня, – улыбается Дурак, – и я совру.

48. – Быть умным – самая смешная из привычек, – смеется Дурак.

49. – Валяют Дурака многие, – хохочет Дурак, – но поваляться вместе с ним решаются единицы.

50. – А ты попробуй – посмейся с умным выражением лица, – предлагает Дурак.

51. – Подойди к зеркалу, – смеется Дурак, – и ты увидишь мир, в котором живешь.

52. – Выброси зеркало, – смеется Дурак, – и может быть, ты увидишь себя.

53. – Ты всегда держишь себя в руках? – удивляется Дурак. – Как же в них войдет что-то?

54. – Хочешь вернуть долги? – смеется Дурак. – Начни с долгов себе.

55. – Если в твоей жизни мало денег, – хохочет он, – значит, в твоих деньгах мало жизни.

56. – Жизнь, – смеется Дурак, – это один день, проведенный в гостях у самого себя.

57. – Смех – прекрасный способ вести беседу, – хохочет Дурак.

58. – Рядом со мной можно научиться только одному, – смеется Дурак, – забывать.
59. – Забыть, – хитро улыбается он, – значит вспомнить.
60. Дурак никогда не спорит. «С кем спорить?» – хохочет он.
61. – Ты в тупике? – смеется Дурак. – Вот и славно, оттуда я лучше виден.
62. – Если что-то происходит не так, – смеется Дурак, – значит, все происходит так, как надо.
63. – Умный, – смеется Дурак, – это свеча для спящих.
64. – Бесплатный сыр бывает только в мышеловке, – авторитетно заявляет Дурак, отрезая себе еще кусочек.
65. – Потерять, – хохочет Дурак, – значит найти.
66. – Жизнь не так проста, как ты думаешь, – смеется Дурак. – Она гораздо проще.
67. Дурак – это ключ от дверей, за которыми нет ничего.
68. Дурак – это ключ от дверей, за которыми есть все.
69. – Не важно, что «делаешь, – смеется Дурак, – важно, что де «лаешь».
70. – Но не делай того, – добавляет он, – что можешь не делать.
71. – Хочешь быть свободным? – спрашивает Дурак. – Тогда забудь это слово.
72. – Смейся и кланяйся чаще, – смеется Дурак, – иначе тебя примут за умного.
73. – Тебя хвалят? – улыбается Дурак. – Прости их.

74. – Если вы не понимаете моего смеха, – хохочет Дурак, – как же вы поймете мои слова?
75. – Добро? – удивленно спрашивает Дурак. – Ах, да!.. Это то, что с кулаками... – хохочет он.
76. – Любой грех, – смеется Дурак, – имеет божественный привкус.
77. – Ты очень умный, – смеется Дурак, – поэтому ты прежний...
78. – Сколько нужно ума, чтобы не казаться Дураком, – добавляет он хохоча.
79. – Человек вечно преследует сияющее существо, спасаясь от существа черного, – говорит чихая Дурак, – такую пыль подняли, бегая вокруг меня...
80. – Чем меньше желания говорить, – смеется Дурак, – тем больше удается сказать.
81. – Ра-бы не мы, мы не ра-бы... – едва сдерживая смех, читает Дурак. – А как насчет удовольствий?
82. – Самая коварная болезнь – это диагноз, – смеется Дурак. – Но если человек действительно хочет жить, то медицина бессильна.
83. – Наполняйте себя знаниями, накачивайте! – хохочет Дурак. – Ведь чем-то вас должно рвать перед очищением¹.
84. – Ты знаешь путь? – удивляется Дурак. – И у тебя да-

¹ Дураку плевать на то, что некоторые нелепости, им говоренные, уже кто-то говаривал ранее: – Вы полагаете, это вами придумано? – смеется он. – Ошибаетесь, это сказал Дурак, живущий в вас. А значит – Я.

же есть карта? – хохочет он. – Не иначе как из крапленой колоды.

85. – Если ты действительно знаешь, куда идешь, – смеется Дурак, – то зачем ты там нужен?

86. – А ты попробуй, – предлагает Дурак, – ощути свое падение, как прыжок.

87. – Прикоснувшись к Истине, – смеется Дурак, – не забудь вымыть руки.

88. – Хочешь одурачить мир? Скажи ему правду, – хохочет он.

89. – Истина прячется в ее отсутствии, – добавляет Дурак смеясь.

90. – Счастье не надо искать, – смеется Дурак, – им надо жить.

91. – Если ты успешно справляешься с трудностями, значит, ты на верном пути, – смеется Дурак. – Только вряд ли на своем.

92. – Но если ветер у тебя всегда попутный, – хохочет он, – туда ли ты плывешь?

93. – В одно ухо входит, в другое выходит, – смеется Дурак. – И так весь день. С ума сойти можно!

94. – Зачем мне думать? – удивляется Дурак. – Я знаю!

95. – А откуда ветер знает, – смеется он, – в какую сторону дуть?

96. – Ученик, – хохочет Дурак, – обречен питаться отрывочкой учителя.

97. Круглый Дурак совершенством своей формы отражает совершенство Вселенной.

98. – Но мне тоже в суп может попасть муха, – радостно улыбаясь, уверяет Дурак.

99. – Ты хочешь увидеть? – смеется Дурак. – Закрой глаза.

100. – Хочешь понять говорящего? – веселится он. – Перестань его слушать.

101. – Хочешь быть понятым? – хохочет он. – Говори многоточиями!

102. – Если тебя обидели незаслуженно, – смеется Дурак, – заслужи!

103. – Ко мне нет окон, – хохочет Дурак, – только двери.

104. – Не будет флюгера, – смеется Дурак, – исчезнет ветер.

105. Посмотрев на Луну, Дурак включает ее, как лампочку.

106. – Ум – это лопата, – смеется Дурак, – чем он острее, тем глубже могила.

107. – Вначале было слово, – вспоминает Дурак, – а потом слова, слова, слова...

108. – Пишешь? – смеется Дурак. – Пиши. Но не забывай – чем чище бумага, тем чище задница.

109. – Ау!.. – истошно кричит Дурак и смеясь поясняет: – Мелькнула мысль и тут же затерялась в извилинах.

110. – Ломай палку, ломай, – смеется Дурак, – может, и получится у тебя один конец.

111. – Хорошо прицелься, – предлагает Дурак, – и если тебе повезет, ты промахнешься.

112. – Ты все же попал в цель? – смеется Дурак. – Тогда ищи дыру в собственном теле.

113. – Если ты знаешь, куда идешь, ты храбрец, – смеется Дурак, – ведь ты и вправду можешь туда попасть.

114. – А ты исповедовался в добрых делах? – хохочет Дурак.

115. – Хочешь быть счастливым? – смеется Дурак. – Хоти!

116. – Если ты человек честный, – говорит Дурак, – значит, ты всегда лжешь.

117. – Всякое утверждение ложно, – хохочет Дурак, – это тоже.

118. – Поэтому, чем больше дров, – смеется он, – тем дальше лес.

119. – Обстоятельства, – важно надувает щеки Дурак, – это я.

120. – Ты действительно хочешь жить? – смеется Дурак. – Ну что ж – тогда попробуй умереть. От смеха.

121. – Ты всего лишь снишься себе, – хохочет Дурак.

122. – Невозможное? – смеется Дурак. – Вот-вот. Как раз то, что нужно.

123. – Только недоразумение и позволяет что-то по-настоящему уразуметь, – хохочет Дурак.

124. – Бог – великий шутник, – говорит Дурак, – но смеется он лишь после того, как я открываю рот.

125. – Надежда, – хохочет Дурак, – это леденец на палочке, которым ты пытаешься изнасиловать Бога.

126. – Опыт, – смеется Дурак, – это клизма. Попробуй, сравни. Ну как? Что, кроме привычного дерьма, из тебя вышло?

127. – Ты говоришь о том, как стать лучше, – смеется Дурак, – а я – о том, как стать Дураком.

128. – Единое и Совершенное? – хохочет Дурак. – Вот-вот, и я о том же. – И кокетливо поправляет свой колпак.

129. – Это было вначале, – вспоминает Дурак, – это будет в конце... Но куда ты собрался идти? – смеется он. – Ведь ты и сейчас там.

130. – Любовь? – смеется Дурак. – А кто любить будет?

131. – Ты все это прочел? – удивляется Дурак. – И даже начинаешь понимать? – хохочет он. – Тогда читай заново!

132. – Ой, не могу! – хохочет Дурак ухватившись за живот. – Сейчас лопну!

Дурак советует: носи этот Кодекс постоянно с собой.

Он поможет тебе в самый критический момент твоей жизни – когда вдруг закончится туалетная бумага.

Состояние первое, дурацкое

Краткое содержание глав предыдущих, сказочных, о старике Пете нестаром повествующих

...А жил старик у самого Синего моря, ветхим неводом на жизнь себе промышляя. И случилось с ним как-то раз происшествие дивное, законами сказочными предписанное, – Рыбка Золотая в невод тот пожаловала. Да не просто так, не ради чуда бестолкового она Пете явилась, а с умыслом особым, волшебным – о природе его совершенной напомнить, от спячки кукольной пробудить. А потом и вовсе в путь сказочный отправила – по белу свету скитаться, да себя самого вспоминать.

Долго Петя по сказкам хаживал, из передряг запутанных выкручивался, с нечистью чудной дружбу заводил. Многому научился, но еще большему разучиться сумел и забыть исхитрился. Несчастливым да неказистым позабыл как быть, о зависимости да обреченности своей позапамятовал.

О смехе узнал много, внутри себя смеяться приспособился, зуд мысленный успокаивая да страдания болезненные усмиряя. Природу проблем и несчастий своих постиг, такой

смешной и нелепой на поверку она оказалась... Весь Мир сказочный в себя впускать научился да самому в нем растворяться...

Творцом жизни живой, всамделишной ощутил себя нестарый старик Петя, под конец странствий своих сказочных. Со старухой, от смеха помолодевшей изрядно, счастливо зажил, не ведая о том, что путь его волшебный далеко не закончился еще.

А напротив даже – начинается только...

* * *

Стоял нестарый старик Петя на широком песчаном берегу, неспешно невод свой, выдавший виды, сматывая, да одобритительно в небо поглядывал. Погоды нынче стояли прекрасные, солнцем изобильные, но совсем не жаркие, как и полагается в сказке приличной. Вода в море тоже была изумительной – рыба вылезать из нее наотрез отказывалась.

Глянув на неказистую кучку своего улова, старик вздохнул было, но сразу же себя и одернул.

– На сегодня хватит, – пробурчал он в бороду, – а там видно будет. Не стоит беспокоиться о дне завтрашнем, он придет и сам о себе побеспокоится.

Развесив сети на солнышке да улов в котомку пристроив, решил в лесок ближний заглянуть, в расчете грибами да ягодами разжиться маленько.

Здесь улов у Пети побогаче был, урожайным лето выдалось, щедрым да ягодным. На полянку вышел. Вдруг слышит – сопит да охает кто-то. Сразу и не приметил, кто же именно, а в малинник глянул – сидит на траве Топтыгин, дышит тяжело, дух едва переводит. Увидев Петю, лапой его поприветствовал, как знакомого давнего, да прорычал что-то невнятное.

– Пошто сопишь, косолапый? – спросил у него старик.

– Да, вишь ты, какое дело, Петя, – проворчал мишка, языком еле ворочая, – погнался я тут за зайцем, бегал за ним, бегал, пока совсем сил не лишился. Сижу вот, теперь, думаю, а что бы, думаю, было, если б не я за ним, а он за мной погнался, а?

Посмеялся Петя над Топтыгиным, но, покуда домой шел, странные мысли ему в голову лезть принялись.

– А ведь и вправду, – думал он, – а что бы случилось, если б не невзгоды за мною гонялись, а я, скажем, за ними? Кто первый притомился бы в гонке такой? Кто бы раньше пощады запросил?

Подходя к дому, неладное почуял. Людей столпилось – куча целая, и во дворе, и вокруг. Вокруг – все больше свои, любопытствующие, а возле дома самого – люд служивый, в малиновых кафтанах, с пиками да алебардами в руках.

Петю увидав, расступились, во двор пропуская. На встречу старику, стражников плечами потеснив, воевода вышел – в усах весь, в бровях густых да шапке каракулевой,

издали на мозги наружу вывернутые похожей.

– А, вот и он, – зычно сказал воевода, расплывшись в улыбке. – Как жизнь, Петя?

– Спасибо, не жалуется, – заулыбался и Петя в ответ, вспоминая свои с воеводой встречи былые, а потому заранее готовясь к любому, самому неожиданному развитию событий.

– Приятно слышать, что хоть у кого-то жизнь не жалуется, – одобрил воевода. – С разговором я к тебе важным, Петя, по поводу шута царского, Дурака то есть.

– А что с ним приключилось? – заинтересовался Петя.

– С Дураком-то? Ой, даже и не спрашивай, такое горе у него, такое горе...

– Какое такое горе?

– Да умер он, вот какое горе. Умер, стервец такой, ни у кого разрешения на то не спросив... А как царю теперь без Дурака? Да никак!

Воевода помолчал малость, в извилинах мысль мелькнувшую отыскивая, и с удивлением добавил:

– Цари, они ведь, ой, как в дураках нуждаются! А вот дураки в царях – нет. Ты ж смотри, однако, как получается...

Он подозрительно посмотрел на собравшихся вокруг и увлек Петю в дом, вполголоса приговаривая:

– В нашем царстве человек хоть и имеет право звучать гордо, зато сидеть должен тихо. А если кто-то знает много и не сидит тихо, так и то не беда – поможем, посадим. Только ни к чему кому не надо знать много.

Эх, – продолжал воевода, уже в хибаре Петинной, – человеку свойственно ошибаться, вот он и пользуется этим часто и с удовольствием. Ведь как оно все вышло-то? А спросил как-то раз царь-батюшка Дурака, отчего тот никогда его советов не слушает, а Дурак возьми да и ляпни, что, дескать, не всякой скотине он может позволить из себя человека делать.

Воевода захихикал негромко, чему-то своему радуясь, и продолжил.

– Осерчал на ту дерзость царь, как никогда. Слово-то, оно хоть и не воробей, но гадит метко. Велел казнить бедолагу поутру. А Дурак возьми да помри ночью, в который уж раз всех в дураках оставив.

Воевода вновь захихикал и пояснил:

– Доживи он до утра – был бы ему позор да наказание. А теперь хоронить его придется по высшему разряду, с почестями. Ведь должность у Дурака при дворе видная была – министр своих внутренних дел. Во как!.. – поднял воевода палец с уважением. – Хотя, с другой стороны, – в люди он хоть и вышел, но вот человеком так и не стал. Как дураком был, так дураком и помер.

– Ну, это еще под вопросом великим, кто больший дурак, – сказал Петя, внимательно воеводу слушая, – тот, кто правду говорить не боится, или тот, кто ее слушать не желает.

– Ты здесь палку не перебарщивай, не перебарщивай! – шикнул на него воевода. – Дело ведь не в том, прав царь или

нет. А в том, что он царь.

Он помолчал и неожиданно добавил:

– Взамен Дурака царь тебя требует. Есть, говорит, в нашей сказке еще один такой дурносмех, вот пушай он теперь при дворе и смеется.

Петя как стоял с открытым ртом, так стоять и остался, не в силах слова даже единого вымолвить. А воевода продолжал, с видом человека, привыкшего всегда разделять собственное мнение.

– А ты и не противься. Человек, он ведь единственное животное, которое может дураком стать. Так что – не упускай своего шанса, Петя.

А Петя весь прямо скукожился внутри от нежелания участи такой, предрешенной ему кем-то. «Не хочу! Не желаю! – билось в голове его и рвалось наружу. – У меня есть уважительная причина, почему ее никто не уважает?!» – хотелось крикнуть ему.

– Ничего, Петя, ты главное – не теряйся, не смущайся заранее, ведь все, что случается, случается вовремя, – говорил меж тем воевода, по-приятельски по плечу его похлопывая. – Нет такого безвыходного положения, куда бы нельзя было найти входа. Вот, вместе его по дороге и поищем.

«От всех болезней смех полезней, – неожиданно вспомнил Петя, многократно говоренное им самим. – И от прочих невзгод тоже», – радостно добавил он мысленно – и включил в себе смех внутренний. Полегчало сразу. Словно разжалась

внутри костлявая рука страха, стиснувшего было сердце, да вздохнулось ему от этого легко и свободно.

«Если человеку нечего терять, – решил вдруг Петя внутри себя, – ему остается только одно – найти». Терять ему, действительно, было нечего, а по опыту своих прежних странствий он хорошо знал, что найти можно на любом пути. «Что ж, поищем теперь и на этом», – согласился нестарый старик, отдаваясь воле событий сказочных.

Воевода замолчал, чутко уловив произошедшие в нем изменения.

– Вот и ладно, вот и славно, – засуетился он после паузы небольшой, – вот и собирайся. В порядок себя приведи, во дворец все ж таки идем, бороду хотя бы расчеши... Да дух рыбный смой с себя – добавил он, шумно потянув носом, и ценным советом поделился: – Чтобы руки не пахли рыбой, их надо окунуть в керосин.

Затем толкнул дверь и, зажмурившись от солнечной яркости, потянулся сладко.

– Э-эх, лень-матушка зовет... Пойду-ка я покуда на солнышке полежу, косточки свои погрею.

* * *

– Все это уже было когда-то, – с тоской думал Петя, в царской горнице осматриваясь, а особенно – прислушиваясь... Царь невысокий, плотненький, с блестящей от пота лысиной,

судорожно прижимал к груди корону и медленно отступал под мощным натиском нависающей над ним дородной, красной от гнева и визгливого крика супруги. По всему было видно, что царица – женщина крайне нелегкого поведения...

– Во-первых – не брала, – на пронзительно высокой ноте выговаривала она, – а во-вторых – уже положила... – Внезапно царица замолчала. Приметив вошедших, она какое-то время созерцала их в полном недоумении, затем негодуяще фыркнула.

– Опять без доклада и представления вваливаются, – сказала она с прежними скандальными интонациями. – Что за моду такую взяли?..

Громко шурша одеждой, она промчалась мимо Пети и его сопровождения, на секунду задержалась перед зеркалом, скривилась лицом от увиденного там, сказала злорадно: «Так ему, царю, и надо!» – и исчезла за дверью.

Царь же, весь красный от пережитого, стоял возле трона, отдуваясь и тщетно пытаясь обмахиваться короной.

– Эх, – сказал он, – как бы счастливы мы с ней могли быть, если б никогда не встретились!..

Он посмотрел на старика и как своему давнишнему знакомому пожаловался:

– Если женщина разделяет мнение мужчины, значит, он прав. А если не разделяет – значит, он ее муж. – И с тоской добавил: – Есть только два способа управлять женщиной, да только кто их знает...

Жалко вдруг Пете стало царя-батюшку, себя былого он в нем вспомнил.

– Нельзя найти счастье в браке, – как-то помимо воли вырвалось у него, – если не принести его с собой.

Царь на эти слова отреагировал странно – он на мгновение замер, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя, затем весь как-то подобрался и, нахлобучив на лысину корону, молча уставился на нестарого старика.

– Так, так, – наконец, сказал он, – знакомые интонации, похожие слова... Петя, значит, да? Помню, помню, виделись когда-то... Только не разглядел я тебя тогда как следует, а жаль. Зато сейчас вот – услышал и понял, что не ошибся. Словно Дурак мой покойный своим голосом здесь прошеле-стел. Скучно мне без него, Петя, ой, как скучно!..

Царь как-то беспомощно и искренне вздохнул да иска-тельно нестарому старику в глаза заглянул.

– Оно, может, и не так хорошо с ним было, как, оказыва-ется, без него плохо, – сказал он и с надеждой спросил: – Справишься? Нам, ведь, Дурак – во как! – позарез просто нужен.

Петя не знал, что отвечать, поэтому решил пока помалки-вать да внутри себя посмеиваться. Тем более что тому собе-седник не очень-то и нужен был. Намолчавшись в разговоре с царицей, он теперь хотел выговориться.

– Надо, Петя, ну что ж тут поделаешь, если надо... Слы-шал я, что есть законы такие охранные – закон сохранения

материи, например, ну, это дело понятное – это чтоб не спер никто ничего; опять же – энергии, тоже закон полезный, чтобы поживать да сил набираться никто не мешал; а есть еще, говорят, самый главный в природе закон – закон сохранения Дураков. Вроде, если не станет их на белом свете, так весь бел свет исчезнуть может. Оказывается, очень нужное это дело, чтоб над Миром нашим завсегда потешался кто-то. Здоровее он от этого будто становится, изобильнее делается...

– Жаль Дурака, просто мочи нет, – продолжал царь, – ведь какие речи толкал, какие перлы ронял. Вот, например: «Если ты не учишься на чужих ошибках, не мешай другим на твоих учиться», или вот это: «Не ври, что знаешь, но знай, что врешь», – а? – силища! – И добавил, похлопав слегка приунывшего старика по плечу: – Ну не казни ты себя так, Петя. Не оставляй палача без работы. Справишься. Нутром чую, что справишься, вот разве подучишься маленько... А сейчас пойдем – Дурака в последний путь провожать пора.

* * *

Народу в зальной комнате собралось тьма-тьмущая просто, не протолкнуться было. Распахнулись двери, и стремительно вошел царь, но, сделав всего несколько шагов, остановился вдруг и скривил недовольную гримасу.

– Как здесь душно, однако, – сказал, – и пахнет скверно...

Немедленно отворите все окна! – приказал он и злорадно добавил: – Пусть те, кто во дворе, это тоже почувствуют!..

В центре помещения стоял гроб вида странного – во все цвета радуги размалеванный. Гроб был закрыт, а сверху на нем колпак дурацкий лежал – такой же пестрый и с бубенцами.

Петю царь на почетное место определил, возле самого гроба поставил, у всех на виду. Народ шушукался, переговаривался негромко. Отдельные фразы до ушей Петиных долетали.

– Господь, он ведь всегда хранит детей, пьяниц и дураков. Вот только нашего отчего-то не уберег...

– ...Ну и что с того, что чушь нес? У каждого свой крест. Кому что дорого, тот то и несет.

– И с чего бы ему помирать было? Когда даже лекарь, и тот говорил, что болезни на здоровье Дурака сказываются положительно...

На старика нестарого поглядывали испытывающе да оценивающе, головами недоверчиво качали.

– Да нет, этот, пожалуй, не потянет, масть не та...

– ...Этот? Да куда ему – вмиг обсерьезится. И всех вокруг туда же – обсерьезит.

– Зеленый еще, из полудурков явно, куда ему до нашего, круглого-то...

– ...Точно, точно – с виду хоть и идиот, но незаконченный какой-то...

Петя внимательно слушал всех, однако внутри спокоен был, ни обиды, ни смущения не выказывая.

– Оно ведь дело понятное, – думал он, – свой Дурак, он всегда ближе к телу.

– Колпак... – неожиданно сказал царь. – Колпак-то кому оставили? Какой же он Дурак, без колпака дурацкого? Непорядок... Не уследили...

Сразу трое из челяди царской кинулись непорядок исправлять. Один колпак взял, двое других крышку гроба приподняли. Первый засунул руку с колпаком в щель, пошарил там осторожно, место нужное отыскивая... Да вдруг замер, побледнел весь и медленно руку обратно вытащил. Уже без колпака, но зато с чем-то белым.

– Ваше величество, – дрожащим голосом сказал он, – записка здесь...

– Какая еще записка? – удивленно спросил царь, не понимая, что происходит. – Ну, раз записка, то читай!..

– Мероприятие одобряю, – запинаясь на каждом слове, читал записку придворный, – но лично присутствовать не могу. Подпись – Дурак.

Толпа замерла, ожидая, когда смысл услышанного в мозги просочится. А затем все разом к гробу бросились. Крышка его в сторону полетела, и по залу пронесся вздох изумления – гроб был пуст.

Очень долго гнетущую тишину нарушало только всеобщее молчание... Наконец раздался вопль царя.

– Просто заслушаться можно, как вы здесь молчите! Где Дурак? Где покойник? Сбежал? Почему мне не доложили? Или вы из меня его сделать решили?

Все попятились. Придворный люд, глаза потупив да нещадно ноги соседям оттаптывая, старался друг за дружку спрятаться. Возле гроба пустого один только старик Петя нестарый остался.

На нем и остановил свой взор осерчавший до крайности царь. Смотрел недолго, а затем ухватил колпак Дурака, подошел к Пете и с размаху на него нахлобучил.

– Думал тебя на замену взять. Только теперь тебе другое задание будет, – сказал ему царь. – Дурака возвернуть следует! Разыскать его да во дворец доставить. А кому, как не тебе, такое по силам – Дурак-то Дурака видит издалека, о том всем ведомо.

Ищи Дурака, Петя, хоть все сказки обойди, а вынь да положи его передо мною. Такой вот тебе мой царский наказ будет, – говорил царь. – Все, что в дорогу нужно, дам. Только чтоб к утру в пути уже был.

* * *

Никак не спалось Пете в эту ночь, бродил он туда-сюда по хоромам царским, плутая комнатами многочисленными да коридорами длинными. Давно уже в таком смущении сильном он не пребывал...

Вроде ничего особенного в задании царском и не было – пойти куда-то да разыскать кого-то... Конфузило Петю только одно – этот «кто-то» был Дурак. Много чего о Дураке он слышал странного, невозможного даже, а часто и друга дружку исключаящего. Нутром чуял старик, что такой задачи решать ему еще не приходилось. С какой стороны за нее браться, непонятно было, куда путь свой направлять – неизвестно, что с собой брать – неизвестно.

Бродил Петя по дворцу, думу свою невеселую думая, да двери наугад открывал... А оттого придворной жизни картины странные нечаянно подсматривал да фразы случайные подслушивал. Толкнул, например, он дверь одну, в библиотеку попал, голос чей-то в глубине услышал.

– Разве книгам можно верить? – говорил голос. – Если всем известно, что грамоту неграмотные придумали...

За другой дверью воеводу приметил. Пил тот чай из блюдечка да попутно поучал кого-то.

– Добро, оно ведь што? Оно, как известно, завсегда побеждает. А, значит – кто победил, тот и добрый...

Еще одну дверь стороной дальней обошел, за ней чей-то голос грубый настойчиво и грозно выпрашивал: «Когда и с какой целью ты родился, а ну, отвечай немедля!»

Царя на троне, в короне набекрень увидел мимоходом.

– Труднее всего человеку дается то, что дается не ему, – сокрушался царь по понятному одному ему поводу.

Мимо казны царской проходил, в дверь неплотно закры-

тую заглянул, казначея увидел.

– Сколько у государства не воруй, – бормотал казначей, опасливо по сторонам озираясь да по карманам что-то распахивая, – а своего все равно не вернешь...

Плюнул с досады старик Петя на то глядячи, да подальше от всех, в темную половину дворца побрел, свечами слабо освещенную. Шел, эхо шагов своих слушая, да бубенцов звон негромкий – колпак Дурака он так и не снял. Двери перед ним открывались беззвучно и легко – от одного толчка несильного.

Шел он так долго, пока не попал в комнату странную – большую, круглую и с множеством дверей. Но главное – какую бы дверь ни толкал Петя, ни одна не поддавалась, не открывалась ему. Словно в ловушке он себя ощутил после того, как несколько раз комнату ту обошел, все двери по очереди отпереть пытаясь.

– Вот так напасть, – уже вслух удивился Петя, – вход есть, а выходом даже и не пахнет. Безвыходная какая-то комната, словно проблема неразрешимая...

А ну-ка, ну-ка... – оживился старик, что-то знакомое в своих же словах услышав. – Проблема, значит... А ведь когда с проблемой дело имеешь, главное, что? Главное – не отгаликивать ее, как врага своего, а, напротив, к себе приблизить, согласиться с ней, всем ощущениям своим «да» сказать. Вот тут-то она проблемой быть и перестанет. Здесь и будет выход из нее.

Постой-ка, погода, – себя же оборвал Петя. – К себе, значит, приблизить, «да» всему сказать. Фу-ты ну-ты, какой же я дурак. Хотя нет, пока еще придурак только...

Петя подошел к первой попавшейся двери, стал напротив, глянул на нее хитро, «Да» – вслух ей сказал, а затем не от себя толкнул, а к себе потянул несильно. Дверь послушно и легко открылась...

– Вот и весь секрет чуда, – засмеялся Петя. – Любая проблема – это только привычка. Привычка двери всегда от себя толкать. Причем, любые двери, в смысле – препятствия. Но стоит совсем немного по-другому сделать – все ту же силу свою, но как бы в другую сторону направить, а для этого всего лишь «да» всему сказать – как любая дверь тут же и отворится.

Чепуховое это дело, оказывается, проблемы решать, – радовался он вслух открытиям своим. – Другое сложно – не забыть вовремя «да» сказать. Здесь ведь тоже привычка нужна, только другая, обратная той, к которой сызмальства приучили. Непростая задача... Привычка, она ведь не жена, ей так просто не изменишь.

Так что же для этого сделать надо? – рассуждал Петя дальше. – А всего лишь по-новому жить приучиться. Чтоб первое движение внутри не «от себя» было, не для устранения, а, напротив, – «к себе», навстречу чему бы то ни было. Чтобы «да» внутреннее всегда «нет» опережало.

Так, может, и с царевой задачей так же нужно? – вопро-

шал себя старик. – Раз искать Дурака все равно придется, то может, по-дурацки это и сделать? То есть просто сказать всему «да» – и с легкой душой в путь отправляться. Пусть даже непонятно куда этот путь приведет. И плохого при этом бояться не стоит, потому как плохого и не бывает вовсе, а бывает лишь то, что не нравится. А если не нравится, так только оттого, что «да» сказать забыл. Скажи плохому «да», согласишься с ним – оно и поддается куда-то, в согласие с собой превратившись. Как аукнется, так и откликнется – об этом всем известно.

В этот момент в голове у Пети что-то странное случилось. Будто ветерок тихий прошелестел там, словно шепот легкий в ней послышался.

– Верно, Петя, – зашептал в голове у него кто-то, – если ты точно знаешь, куда идешь, – зачем ты там нужен? А если еще и цель перед собой поставил – жди теперь, что каждому шагу она только мешать будет.

Пока шепот в нем звучал, Петя головой своей потрясти успел, кулаком себя по лбу пару раз стукнул, даже пальцем в ухе поковырял – ничего не помогало, не исчезал голос, а напротив даже, с каждым словом все громче и внятнее становился.

– Ты кто? – не выдержал уже старик. – Кто ты такой, чтоб меня жизни учить? И где ты хоронишься, тоже мне интересно?

Но вместо ответа захихикал в нем кто-то странным голо-

сом. Слушая этот смех, Петя неожиданно вспомнил странствия свои былые, вспомнил спутника да советчика своего невидимого – Мява, с улыбкой его кошачьей, в трудные минуты всегда рядом бывшего. Мжав, тот тоже в голове его хихикал часто, над непонятливостью стариковской посмеиваясь. Но смех, который звучал в нем сейчас, был совсем другого рода.

– Так кто же ты? – настаивал на своем Петя. – И где обитаешь? – ...Где, где... а на голове, – давясь смехом, ответил ему голос.

Удивился Петя, пощупал недоверчиво колпак, что на него надет был, а потом и вовсе его снял. В голове сразу же тихо стало, до звона прямо... Напялил колпак обратно – и вновь в нем смех издевательский зазвучал.

– А ну, отвечай немедленно – кто ты есть?! – уже не на шутку взъярился старик.

– Неужто не понял еще? – спросил голос, все еще посмеиваясь. – А пора бы – если с Дураком иметь дело решил, будь готов, что и у тебя теперь все так же – по-дурацки будет. И события, и жизнь сама... Даже колпак говорящий...

– Колпак? – изумился Петя. – Так это что – обыкновенный колпак со мной лясы точит?

– Где уж там – обыкновенный... как же... – слегка даже обиделся голос. – А, впрочем, сам решай, мне вообще-то без разницы. Хочешь – колпаком дурацким меня зови, а хочешь – самим Дураком. Ведь все, что у Дурака под колпаком было,

то и сейчас в колпаке – то бишь, во мне осталось.

– И что же там было? – ехидно поинтересовался старик.

– А ничего, – столь же ехидно ответил ему голос. – Ничего там у Дурака не было. То есть – именно то там было, чего в колпаке и сейчас навалом, а именно – НИЧЕГО. Поэтому мы с ним и едины – НИЧЕГО нас объединяет.

– ...И зачем ты мне такой? – уже взаправду растерялся нестарый старик. – Что мне за польза от твоего «ничего»? Неужто поможет оно мне Дурака отыскать? Или хоть совет какой дать...

– Как же – держи карман шире, – снова захихикал голос. – Хотя, кто знает... Глядишь, и поможет, если только подсказки его – мои, то есть – понять сумеешь.

– Чего уж там – валяй, подсказывай, – уныло сказал Петя. Как-то совсем уж безрадостно ему стало от колпака этого болтливового.

Уселся он на кресло, у свечи одиноко стоящей, да совсем было слушать изготавился, как вдруг вспомнил мысли свои недавние. Встрепенулся старик, решил вначале порядок внутри себя навести. Взял он для этого безрадостность свою, окутал ее вниманием и словно в себя пригласил войти – «да» ей для этого мысленно сказал, затем то же самое «да», но уже без слов внутренних, а только лишь ощущениями ей же послал. Затем еще раз – но теперь представляя, как это «да» вибрирует смехом, словно струна, особую ноту согласия поющая.

...Полегчало Пете сразу, как-то заулыбалось внутренне. «А что, – подумал он, – это даже интересно – с колпаком дурацким дружбу водить, глядишь, и впрямь чему научишься».

Пока старик нестарый внутри себя упражнялся да порядок там наводил, колпак помалкивал, словно наблюдая за ним. А под конец даже хмыкнул одобрительно.

– Не случайный ты в сказке человек, – зазвучало у старика в голове, – а потому и спрос с тебя особый. Имей в виду, Петя, что с той минуты, как стал ты на путь к Дураку, все твои знания прежние гроша ломаного больше не стоят. Все не так на пути этом будет. Здесь, если ты точно знаешь, что искать, то никогда не найдешь. Потому как невозможное это дело, Дурака точно знать...

– На этом пути, – продолжал голос, – ты всегда будешь находить не то, что ищешь, а то, что давно ищет тебя. Но вот поймешь ли ценность находок таких? Жаль будет, если мимо пройдешь...

Для начала вот что ощутить попробуй, – продолжал голос, – путь этот не из событий внешних складывается, а лишь из состояний внутренних. Неважно, как он снаружи выглядит, важней, как он внутри ощущается. Вода в реке, Петя, всегда течет прямо, как бы ни извивалось ее русло. Таким и твой путь к Дураку быть должен. Будь текучим и стремительным снаружи, но тихим и ровным внутри.

И имей в виду, – говорил ему голос, – каким бы плотным

ни был туман, в котором ты блуждаешь, каждый раз он начинается не ближе, чем в шаге от тебя...

– Ну и что? – не понял старик.

– А то, что всегда будет возможность сделать этот шаг. Вот и делай его, только он один и важен...

– А потом?

– Потом еще шаг и еще... Никогда не беспокойся о шаге втором, проживи сполна первый. Дурак никогда не делает второго шага – каждый шаг для него первый, каждый миг у него – единственный, каждый вдох – неповторимый. А что за ними?.. Туман, непознанность, тайна... Тайна – это и есть место обитания Дурака. Непознанность – его суть. Туман – путь к нему...

Голос затих. Молчал и Петя, себя слушая и удивляясь слегка, – все еще звучала в нем струна особая, несмолкаемая, на странную ноту «да» настроенная.

– ...И не забывай, – сказал ему голос напоследок уже, – ты всего лишь в гостях у самого себя. Пора бы и домой, Петя. Дурак давно уже ждет тебя...

* * *

– Ничего не поделаешь, – сказал Кот. – Все мы здесь не в своем уме – и ты, и я.

– Откуда вы знаете, что я не в своем уме? – спросила Алиса.

– Конечно не в своем, – ответил Кот. – Иначе как бы ты здесь оказалась?

Льюис Кэрролл

Ну вот, уважаемые коллеги волшебники, мы с вами и подошли к тому рубежу, к тому пределу, за которым обращаться друг к другу возможно лишь как «коллеги Дураки», и никак иначе. Но не спешите делать это прямо сейчас – никогда не стоит поминать гордое имя Дурака всуе, эту честь еще заслужить надо...

Именно этим мы и будем заниматься на протяжении всей третьей фазы, а именно – исследовать новое качество своего стремительного пробуждающегося сознания и выстраивать такие формы и способы существования, которые будут близки осознавшему себя Хозяину и играющему, смеющемуся Дураку.

«Освоение пространства Сказки», – надеемся, вас не очень смутило подобное заглавие нового уровня школы? Скорее всего, нет, ибо провести определенные аналогии и ощутить взаимоперетекающее единство между «пространством игры», «пространством смеха» и, наконец, «сказки», не так уж и сложно.

А вот осознать, что это именно вашу привычную обыденность и рядовую повседневность предлагается воспринять «пространством Сказки», ощутить себя автором Сказки и сделать ее действительно *Волшебной* – это уже совсем другое дело.

Но поверьте – вы к этому давно готовы. Вы всегда могли и знали много больше, чем вам пытались навязать и в чем старались уверить. И нет никакого сомнения, что от занятия к занятию вы все более отчетливо будете осознавать это сами.

«Школа Дурака» – такой подзаголовок имеет наш очередной уровень. Не слишком ли дерзко и вызывающе? Уж не эпатировать ли мы решили мирных сограждан таким названием, заодно и вас пытаюсь втянуть в эту странную и непредсказуемую авантюру? Давайте во всем разберемся не торопясь, ведь это важно – сохранять осознанность происходящего, пусть даже следуя непроторенной *тропой Дурака*.

Совершенно особое отношение к образу Дурака просматривается в наших традициях, в сказочном фольклоре, в самой основе нашего сознания. Нет ни его уничижения, ни злой насмешки над ним, нет к нему неприязни или осуждения. Напротив, есть потаенная, здоровая зависть к свободе и независимости Дурака, к его неизменной удачливости и оптимизму.

«*Дураку море по колено*», «*Дураку закон не писан*», «*Бог дает, а Дурак берет*», «*Из Дурака и плач смехом лезет*», «*Дураку все смех на уме*», «*Кто и в горе смеется, тому все удается*», – чего больше в этих присказках: назидательного укора или восхищения перед «неуловимостью» Дурака проблемами и невзгодами? Мы понимаем, что, скорее всего, единого ответа не получится. Каждый увидит лишь то, что присуще именно ему, – «чем наполнен кувшин, то из него и

выльется», – знакомо и не раз уже отслежено, не правда ли? Вот вы сейчас и определите направление своего дальнейшего пути. Ответьте, кто же вам милее – привычный и знакомый умник, богатый лишь чужим знанием, или непривычный и непредсказуемый Дурак, истинно мудрый не словами и мыслями, а особой внутренней убежденностью и реальными поступками? Только не ошибитесь. А то спохватитесь, когда слишком поздно будет – ведь Дурак-то, он заразителен...

Ну, так кто же он – этот вечно смеющийся Дурак? Ни в грош не ставящий те ценности, за которые так цепляются обыватели, стремясь сохранить свое достоинство, свой статус, самих себя? Дураку плевать на почет и славу, но именно о нем рассказывают сказки и слагают былины; он всегда рад малости и сыт сухариком, но почему-то именно у него оказывается изобильная скатерть-самобранка; богатство и деньги для него не имеют никакого значения, но вновь – лишь ему достаются все сокровища и, как правило, полцарства в придачу; он не стремится никем повелевать, но всегда вокруг него куча помощников, наперебой предлагающих свои услуги; все решения он принимает не по уму и расчету, а по вдохновению и внутреннему порыву, и именно они оказываются единственно верными и приводящими к удаче.

Ведро у него пешком ходят, печи без колес ездят, корабли по небу летают, топоры сами лес рубят, – может, он просто лентяй? Так отчего ж тогда другие, и не лентяи вроде, а не могут себя сподвигнуть на подобное? Может, потому что

лень – это не столько внешнее бездействие, сколько внутренняя косность и неподвижность души? А вот Дурак без всякой видимой суеты легко смещает свое сознание, настраиваясь на любую, самую невероятную ситуацию. Он, играючи и получая явное удовольствие, делает то, что оказывается абсолютно невозможным для его окружения. «По-дурацки», конечно, делает, не «по-людски», вызывая насмешки и подначки, но в финале неизменно звучит завистливо-восхищенное: *«Везет Дураку все же...»*

И оказывается, что качества, выражаемые Дураком, всегда нам чем-то симпатичны и близки; выясняется, что они глубоко, буквально изначально заложены в нас, в нашей культуре, в нашем мировоззрении.

Интересно, что дурак, являясь расхожим героем в европейских сказках, анекдотах и баснях, чаще всего именно у нас обретает истинно сакральную глубину и привлекательные черты – это всегда Дурак с большой буквы.

Алексей Толстой берется переложить сказку об итальянском деревянном мальчике Пиноккио для русскоязычного читателя, и что же выходит у него в результате? Да все тот же Дурак, хоть и переименованный в Буратино. Ну, не получается у него стать «по-итальянски» примерным живым мальчиком! Нет, он с радостью остается деревянной куклой, принимая себя таковым без остатка. Он радуется жизни, проказничает, смеется, все беды с него «как с гуся вода», и в итоге именно ему достается Золотой Ключик.

Понятие Дурака в своей основе глубоко эзотерично и многопланово. Характерно, что чем более древними являются источники, в которых он появляется, тем более неоднозначным и парадоксальным он выглядит. Плоским и одномерным символом глупости этот образ становится относительно недавно, в связи с нездоровым возвеличиванием ментала и приданием ему неоправданной значимости, а вследствие этого – все большей утратой природной интуитивной естественности человеческого сознания. Хотя даже в период позднего средневековья придворные шуты все еще выполняли роль некоего связующего канала между напыщенным «Я» вельможи и его внутренним Дураком.

Как эзотерический образ Дурак периодически появляется в разные времена и в разных культурах. Наиболее близки Дураку суфийские традиции, самым ярким представителем которых был незабвенный Ходжа Насреддин – неизменный притчевый герой, глубину поступков и суждений которого постичь линейным и плоским умом невозможно.

Древние даосские и дзэновские школы так же богаты рассказами и притчами, в героях которых мы легко и радостно узнаем «нашего» Дурака. Китайские странствующие смеющиеся монахи, японский толстый и всегда хохочущий Хотей, приносящий всем удачу и счастье, – их было немало, продолжателей изысканных и парадоксальных древних традиций.

Буквально каждый народ, любая социумная общность

имела своих «*Дураков*», своих «*блаженных*» и «*юродивых*». Причем издревле в эти понятия вкладывался смысл, во многом отличный от нынешнего.

Блаженные на Руси всегда почитались «*божьими людьми*», то есть – теми, кто «*помечен Богом*». Ведь Блаженный – это тот, кто *уже* достиг, кто *уже* в счастье, «*во благе*». К ним относились с большим уважением, а к их странному, но часто провидческим словам всегда прислушивались и передавали друг другу.

Пожалуй, лишь у нас существовал своеобразный *институт юродивых*, то есть – целая прослойка людей *не от мира сего*. Причем, очень показательно, что юродивым часто считался вовсе не душевнобольной человек, а напротив – совершенно здоровый, но исповедующий иные ценности, воспринимающий Мир иначе, не так, как все, и благодаря этому как бы стоящий одной ногой уже *вне* его, *за его пределами*.

Как в раннехристианских, так и в суфийских традициях на стезю юродивого, «городского» или странствующего «сумасшедшего» часто *вполне осознанно и добровольно* становились люди, достигшие очень высокого духовного уровня.

Это позволяло им обрести реальную свободу от социальных пут, но не убегая при этом от самого мира, по примеру многих мистиков, а напротив – оставаясь в гуще мирских событий и отношений.

Даже в наше время, встречая на Востоке внешне полубезумного дервиша, никогда нельзя точно сказать, кто же это

на самом деле – человек, безвозвратно поглощенный безумием, или просветленный, пользующийся «*без-умием*» как инструментом.

Поэтому, как бы странно это ни показалось, и как бы столь же «полубезумно» не выглядело, но у нас есть все основания считать, что роль Дурака в процессе развития и становления как сознания отдельных людей, так и сознания коллективного, общечеловеческого всегда была весьма велика.

Более того – Дурак во многом является *предопределенной, необходимой* и даже *ключевой фигурой* в процессе эволюции человеческого сознания.

Вы еще не забыли, что мы обитаем не в самом Мире, живом и непредсказуемо многообразном, а лишь в его достаточно плоской и бледной копии – «*описании Мира*»? В том самом *описании*, которое мы создаем своим «*знанием*» о том, «*каким этот Мир должен быть*».

В таком застывшем и незыблемом виде «описание Мира» имеет мощную тенденцию к *самоомертвлению*, к *загниванию*, как, впрочем, любая другая искусственная система, лишенная *естественной внутренней динамики*.

Оживить такой «мир», создать в нем новый импульс творческого развития может только кризис. А это всегда развал, утрата прежних узаконенных ценностей и ориентиров, и *вынужденный* пересмотр изжившей себя мировоззренческой позиции, поиск новых моральных и нравственных критериев. То есть – *создание очередного, но уже обновленного* «описания».

сания Мира».

Если вы еще не забыли теорию Ильи Пригожина, то знаете, что развал и разрушение – это совершенно необходимые условия развития любой системы.

Смех Дурака, разрушая незыблемость ментальных установок, *удерживающих фиксированность границ «описания Мира»*, оказывается очень действенным инструментом для такого «эволюционного обновления».

То есть – когда в социуме происходит *«мощное и неудержимое наступление на грабли»*, Дурак столь же неудержимо хохочет, напоминая всем, что *«если идешь за стадом, то в дерьмо вляпаешься обязательно»*.

Дурак помогает обнажить *«изнанку души человеческой»*. Он вытаскивает из тайников социумного сознания на свет Божий то, что стыдливо было там припрятано как от чужих, так и от своих глаз. И теперь, просмеянное, принятое и уже безопасное, оно позволяет обрести новое качество сознания и выйти на новый виток развития.

Бесстрашно и беспощадно высвечивая все темные стороны человеческой природы, *обнажая и выставляя их на всеобщее обозрение*, Дурак создает уже не прежнее плоское и одномерное *«приглаженное и прилизанное»* видение Мира, но объемное, многомерное и Цельное.

«Крыша над головой мешает людям расти» – говорит Ежи Лец. *«Поэтому да здравствует „крышесъезд“!»* – радостно провозглашает Дурак.

То есть – любой рост, в том числе и духовный, делается возможным лишь при условии непрерывной переоценки ценностей, долго казавшихся незыблемыми, и периодического отказа от устоявшихся взглядов, принципов и законов. Именно поэтому Дурак становится ничем иным, как ключом к обновлению нашего Мира, а смех Дурака – паролем для прохода в новое, еще не освоенное измерение человеческого существования.

Вот и оказывается, что испокон веков Дурак был совершенно необходим для поддержания здоровья социума, для его периодического обновления. Появляясь в разные времена и в разных странах в облики Шута, Паяца, Скомороха, Петрушки, Полишинеля, Панча, Пульчинелло или Караге-за – Дурак всегда оставался на границе двух Миров – ку-кольного социумного и Хозяйского Божественного, выполняя роль посредника в общении с пространством безграничного и свободного Космического Сознания, проводником в него.

Если же в социуме не хватало «добровольцев», сознательно ставших на путь Дурака, то их дефицит *всегда* компенсировался Дураками «вынужденными», как бы стихийно выдвинутыми массами и поэтому почти никогда не осознающими своего «статуса».

И тогда некоторые люди, как правило, находящиеся в центре общественного внимания: политики, деятели искусства, ученые, – начинали вести себя откровенно неадекватно, экс-

тремально и эпатажно, часто балансируя в своих поступках и образе жизни на грани дозволенного, а иногда даже – за ней.

Таким образом происходила раскачка устоявшихся норм и правил поведения, ломка устаревших критериев «правильности» (*«многие великие истины были вначале кощунством»* – Бернард Шоу) и, как следствие – постепенное, но неизбежное обновление прежней картины мира, создание в ней новой динамики.

Более того – иногда нечто подобное (то есть – спонтанное и стихийное пробуждение своего «внутреннего Дурака») происходит уже с каждым из нас, заставляя на время превращаться в «белых ворон» или даже «впадать в детство», а по сути – провоцирует неадекватность в нашем поведении и нестандартные поступки. *«Нет ни одного по-настоящему умного человека, который бы рано или поздно ни обнаружил, что он дурак»* (Г. К. Честертон).

Как ни странно, но именно такие (увы, как правило, – нечастые) проявления «внутреннего Дурака» и являются признаком реального взросления, позволяя окончательно не умертвить в этом до предела «засерьезненном мире» и хоть понемногу, но все же расширять тесное пространство своей «зоны комфорта».

Нам трудно сейчас отследить происхождение слова «Дурак», его этимологию, мы можем провести лишь опосредованное исследование доступными нам средствами. И интересная, хоть и вполне закономерная картина получается у

нас при этом.

Если провести анализ вибрационного числового ряда букв, составляющих слово «Дурак» (используя *Космическую нумерологию*), то оказывается, что оно самым удивительным образом совпадает со словом «Шут». Оба этих слова имеют в своей основе число «пять», значение которого тождественно таким понятиям, как «Начало», «Абсолют», «Адам». К тому же: «Энергии числа „пять“ являются универсальными для информативных компенсаций организма человека... Они способствуют продлению жизни. Ими можно возжигать небесный огонь. Они усиливают в человеке жажду свободы и имеют прямое отношение к Святому Духу, ибо уничтожают агрессивные энергии» (Александр Волков. «Иформативная мистика»).

Более того, в самом слове «Дурак» присутствуют также вибрации числа «четырнадцать», которое соответствует понятиям «Церковь» и «Цельность».

«Шут, – читаем мы у Венеры Рыбаченко („Знаки Вселенной“), – это состояние игры в жизнь. Шутит Бог, учитель, ребенок... Шут – это человек шестой расы... это выход в высшие измерения».

Не случайно еще загадочный Алистер Кроули, описывая эзотерический смысл карт Таро, сделал акцент при анализе карты «Дурак» («Шут») на таких ее значениях, как «обновление», «весна», «единство противоположностей», «скрытый мудрец».

Да, все это, действительно, не случайно. Если вы успели ощутить на себе действие «Внутреннего смеха», вкусили свободу и радость жизни, им даруемую, если сумели «попробовать на вкус» Хозяйское состояние и осознали Хозяина в себе, то, скорее всего, давно и без утомительных доказательств узнали Дурака: «Хозяин!..» – должно быть, вырвалось у вас в какой-то момент. И вы не ошиблись.

Именно так. Дурак – это и есть Хозяин. Это играющий Хозяин. Это всегда радостный и влюбленный в жизнь Хозяин, это Хозяин смеющийся. Дурак – это и есть смех. Смех Хозяина.

В истории человечества истинных смеющихся Дураков всегда было немного, что совсем неудивительно, ведь их смех являлся лишь результатом *уже* случившегося просветления, лишь подтверждением уже произошедшей с ними трансформации, *а таких героев всегда мало, ибо больно тернист путь, ими проходимый...*

Мы же, несомненно, из-за глупости и самонадеянности своей, решили не ждать, когда смехом закончится наш путь, а со смеха же начать его. И чудесные вещи случаться стали на пути этом. Многолюден он вдруг стал...

Смех – не как стихийное качество нашей психики, а как управляемая техника – неожиданно оказался удивительно привлекательным и действенным инструментом для мягкой, но быстрой и глубокой трансформации сознания. Но может, главное его достоинство заключается в его естественности,

доступности и простоте. Именно это позволило многим открыть для себя пространство неизмеримо более светлого и гармоничного существования.

Прикоснувшись к понятию «Дурак», мы вскрываем потрясающей емкости пласт возможностей, открывающихся теперь перед нами. Это уже не просто завершающий уровень нашей школы. Это большое и самостоятельное образование – «Школа Дурака», со всей ее дурацкой, но странно гармоничной архитектоникой и абсолютно абсурдной, но такой жизнеспособной логикой. Это то, чего еще не было, ибо не существовало доступного и простого инструментария для необходимой трансформации, неуловим в ощущениях был канал, по которому можно было бы двигаться, отсутствовали ориентиры для такого пути.

Но сейчас это стало возможным. Нам думается, что само появление технологии «Внутреннего смеха» было вызвано необходимостью «овеществить» давно витающую в воздухе идею «Школы Дурака». И вот теперь, вместо бесконечных рассуждений и умничаний по поводу Дурака, мы можем реально предложить вам стать на путь, ведущий к нему, вспомнить в себе его забытое качество; мы предлагаем вернуть своему Дураку его законный Божественный статус.

Поверьте – это вполне возможно, попробуйте – это совсем несложно, и сделайте это играя, ведь Дурак – это непрерывное приключение. Это наш дальнейший путь, наша Божественная игра, это возможность истинного пробуждения и

реального, а не иллюзорного существования.

Вспомните, что именно мы с вами обсуждали на наших предыдущих занятиях; еще раз вспомните суть понятий «*зона комфорта*» и «*описание мира*», выстроенных ложью чужого научения; вспомните, что мы способны воспринимать вокруг себя лишь то, на что получили разрешение в рамках такого «знания», вспомните – и внемлите нижеследующему.

Все, что ты слышишь, – ложь.

Все, что ты видишь, – ложь.

Все, что ты говоришь, – ложь.

Все, что ты знаешь, – ложь.

Тебя нет. Ты – сон другого.

Тебя окружает мертвый мир, сотканный из лжи других.

Значит – поступая вопреки знаниям, ты пробуждаешься.

Меньше говоря и больше смеясь – проявляешься в этом Мире.

Ощущая его – оживаешь.

Наблюдая, не анализируя, – прозреваешь.

Абсурд – твой ум. Смех – твой голос.

Дурак – твое имя.

Просыпайся, живой Мир ждет тебя.

*** * ***

Дурак воспринимает весь Мир как Единое Целое. *Не ве-*

дая разницы между хорошим и плохим, не проводя четкой грани между черным и белым, он в равной мере дает согласие на присутствие в своем существовании любых противоположных понятий, любых взаимоисключающих явлений.

Дурак всегда *равнодушен*... То есть – «*равно-душен*», степень его душевной открытости, его радушия не зависит от оценочных категорий, от привычных ярлыков знания. Он «*равен*» в своем отношении и к «хорошему», и к «плохому»; и к «добру», и к «злу». И то, и другое он принимает *душой* открытой в *равной* степени, не выбирая и вне зависимости от мнения окружающих.

На данном этапе мы вводим такое понятие, как «*толерантность*». В рамках нашей школы его смысл и значение равносильны понятиям: «*приятие*», «*согласие*», «*терпимость*», «*равнозначность*». Его контекст полностью соответствует расширенному понятию «*равнодушие*».

Для Дурака в этом Мире *все равно*, этот Мир для него *равноценен*, он принимает его весь и без остатка открытым сердцем. Толерантность – это и есть равноценность восприятия и «*равнооткрытость*» всему.

Сверхзадача «*Школы Дурака*» – создание *естественного* и устойчивого состояния *тотальной толерантности* в восприятии как самих себя, так и всего пространства своего существования.

В нашей жизни *Чудо* и *Сказка* никогда не случаются *сами по себе*, а лишь после того, как мы согласимся с тем, чтобы они

произошли. А согласиться – это значит перестать сопротивляться. Причем – чему бы то ни было. Это и значит – стать тотально толерантным.

Толерантность непременно должна проявляться по всем четырем игровым площадкам Дурака, то есть – на его *физике, сенсорике, эмоциях и ментале*.

И если *физическую и сенсорную* составляющие, проявленные нашими *ощущениями*, вы прекрасно уже научились «прорабатывать» смехом, «приручили» их, то *ментал* и *производные от него эмоции* мы до сих пор гордо игнорировали и обходили стороной.

Но Дурак в равной степени проявляет себя игрой на *всех* площадках, поэтому нам видится совершенно необходимым уделить нашему менталу внимания несколько больше, чем мы это делали до сих пор. Предполагается, в конечном счете, создать своеобразный «мостик», соединяющий все игровые площадки Дурака, все формы его проявленности в одно целое.

Этой огромной задаче и будут посвящены очередные фазы нашей игры.

Сейчас вам предлагается следующая, предельно простая, но глубинно трансформирующая техника, сориентированная на создание как ментальной, так и сенсорной толерантности в восприятии мира своей повседневности.

Техника «да, да»

В течение дня, в моменты *самоосознания*, то есть – тогда, когда вы вспоминаете о себе-Хозяине, о Дураке, живущем в вас, и продолжая привычный ряд поступков, вы в ответ на *все* поступающие к вам сигналы-ощущения *внутри себя непрерывно говорите: «Да. Да... Да!»*

Вы, например, слышите шум проехавшей машины и говорите своим слуховым ощущениям «Да». Вы соглашаетесь со всем ассоциативным ментальным рядом, внезапно вспыхнувшим в вашем сознании в связи с этим, со всеми образами и воспоминаниями, страхами и надеждами, связанными с машинами. Вы говорите всему этому: «Да. Да... Да!»

Никогда не следует бормотать «да, да...» *просто так*, как мантру или как заклинание. Вы произносите эту формулу соглашения *лишь в ответ на поступивший сигнал* из своего внешнего или внутреннего пространства, а еще точнее – *в ответ на отслеженные ощущения по этому поводу*.

Вспомните занятие о *Хозяйских сигналах-обозначениях*. Любой объект из внешнего или внутреннего пространства, попавший в поле зрения, то есть – любой сигнал, *на который вы хоть как-то отреагировали*, является для вас *предупреждающим*. Все прочие объекты-обозначения, составляющие пространство вашего существования, – *фоновые*, они для вас нейтральны и текущее состояние не отражают никак.

Так вот, вы проводите акцию соглашения лишь по поводу *сигналов предупреждающих*, а это значит – не выискивая их намеренно, не «выковыривая» из фона, а лишь честно отмечая то, на что уже обратили внимание, *отреагировали*.

Здесь вам придется вспомнить, как некогда вы *«охотились на себя»*. **Постарайтесь быть постоянно осознанными в своих ощущениях.** И каждому из них скажите свое *«Да!..»*, признавая его, соглашаясь с ним, впуская в себя. Начните с позитивных сигналов-ощущений, *но особое внимание уделите ощущениям негативным и болезненным.*

Если вы ощутили, что настоящего согласия не произошло, задержитесь на этом сигнале, на этом объекте. *«Продакайтесь»* с ним еще некоторое время. Вспомните о наших вспомогательных приемах, когда вы *«окутывали»* объект своего внимания *нежностью* и ощущением *открытого сердца*. Сделайте это параллельно с техникой *«Да, да»*.

В процессе отработки этой техники вы рано или поздно, *но неизбежно* выйдете на программные записи и ощутите, что некоторые из отслеженных вами сигналов имеют повышенную болезненность. Объясняется это тем, что вы вплотную приблизились к границам своей «зоны комфорта». Это очень хорошо! **Используйте теперь технологию «смеховой сонастройки» с возникшими негативными ощущениями и «разряжайте» их болезненность своим объединением с ними.**

Начиная отработку этой техники, вспомните несколько

эпизодов своей жизни, когда вы выражали согласие, *делая это естественным способом*, вспомните эти эпизоды *в ощущениях*. Теперь попробуйте вызвать в себе *именно это состояние*, всего лишь произнося внутри «Да, да». А затем как бы перенесите возникшее состояние на свои реальные ощущения в этот момент – слуховые, визуальные, осязательные, возможно, вкусовые и скажите каждому из них свое «Да!..»

Настройте каждое такое «да» на хорошо знакомую вам вибрацию смеха. Ощущайте ее как некую волну согласия, раз за разом прокатывающуюся по всему телу и постепенно настраивающую его на особую ноту «Да» – гармонизирующую вибрацию тотального согласия.

Делайте это, когда идете по улице, смотрите телевизор, в процессе еды, в разговоре с кем-то. Уделяйте внимание *всем своим ощущениям*. Вспомнив о технике, *восстановите свою осознанность* – и каждому отслеженному ощущению скажите «Да».

Именно так, очень плавно и ненавязчиво вы сможете выработать в себе *инерцию согласия*, своего рода «инстинкт толерантности» для всех случаев жизни, для любой ситуации.

«Приручайте» свой ментал к тотальному согласию. «Входите» в своего Дурака. Согласие и приятие, то есть полная толерантность, – это единственный, зато несомненный путь к нему.

Состояние второе, нуичтошное

Петя сидел на вершине холма и, поглядывая на царство очередное, внизу раскинувшееся, корку хлебную дожевывал да камушки с крутизны бросал.

– Всему свое время, – думал он, – время камни собирать и время ими бросаться. Время Дурака искать и время находить его...

Ну, где искать Дурака – это дело, мне уже понятное, – себе самому объяснял, – где хочешь, там и ищи, потому как много его, оказывается, в природе сказочной. А вот где найти его все ж таки можно, то мне и поныне неясно...

Доев корку, он взял в руки колпак, от Дурака ему доставшийся, повертел его маленько – рога да бубенцы внутрь пряча, да на голову себе и напялил, будто шапку обычную, вот только раскраски непривычной.

– То ли удачи мне недостает, то ли счастье стороной обходит, – сокрушенно говорил старик уже вслух, – да только чую, что долго еще скитаться дорогами сказочными мне предстоит...

– У тебя, Петя, нет проблем с удачей и счастьем, – раздался в его голове голос насмешливый. – Это у них с тобой проблемы большие. И чего они только делать с тобой ни пытались – и просмеивали тебя, и продакивались, а тебе все

неймется в невзгодности своей, неподдающийся ты счастьем человек.

– Ну да, ну, конечно, – пробурчал в ответ старик, – как просто все загадками загадать... А мне потом радость великая – разгребай, разгадывай.

Голосу, звучащему в его голове, Петя нисколько не удивился, напротив даже – обрадовался, хотя и виду не подал. Общался с ним колпак лишь по собственному хотению, иногда болтая изобильно и безудержно, но чаще помалкивая и на призывы старика не реагируя никак.

– Только не обижайся, Петя, – звучало в его голове сейчас, – ты, конечно, мой друг, но ты все-таки осел!

– Ну и ладно, ну и пусть, – отвечал старик подозрительно смиренно. – Вот только не совсем мне понятно – я осел, потому что твой друг, или я твой друг, потому что осел?

В ответ смех довольный раздался.

– Неплохо, Петя, совсем неплохо, так и делай – привыкай на мир по-дурацки смотреть. Ведь человек, который хотя бы отчасти не Дурак, лишь отчасти человек.

– Вот бы и мне от этой части Дурака хотя бы часть найти, – вздохнул старик сокрушенно.

– Не получится у тебя Дурака в этом мире отыскать, даже не надейся. Все, что от него здесь осталось, – у тебя сейчас на голове моим голосом разговаривает.

– А сам Дурак где?

– Где, где... да везде, – снова захихикал колпак.

– Ну, так значит, и здесь? – настойчиво допытывался старик.

– И здесь тоже... Только это как раз ничего и не значит. Ведь никакого «здесь» не существует вообще. А что существует – так это только ты сам. И вот в этом самое смешное и есть, Петя. Потому как – где же ты теперь Дурака искать будешь?

Медленно до старика нестарого сказанное доходило. А по правде сказать – и вовсе не доходило.

– ...Что это значит – никакого «здесь» не существует? – спросил он после паузы.

– А только то и значит, – веселился колпак, – что никакого «там» не существует тоже.

– Ну, хорошо, а это тогда что? – обвел старик рукою во круг. – Это мне что – только снится?

– Ну, как тебе сказать... – коварным голосом нашептывал колпак. – Может, и вправду снится. Все это существует, лишь пока ты глаза по-настоящему открыть не пожелаешь. А как откроешь – сохранится ли? Ведь все, что ты видишь, зависит только от того, откуда ты смотришь. Поэтому – куда поместишь глаза свои открытые – то и увидишь.

– Не понимаю... – сокрушенно сказал старик нестарый.

– Так я тебе и поверил, – захихикал голос. – Любое непонимание – это на самом деле понимание, только отягощенное знаниями. Ведь понимание-то оно твое, а знания чьи? – чужие. Хочешь действительно понять – просто забудь то, че-

му тебя обучали. Сними с себя чужое, обнажи свое, родное. Забудь – и слушай нутро чутко, твое понимание всегда там обитает, заждалось поди, когда ж ты о нем вспомнишь.

Колпак замолчал и подозрительно участливым голосом совет дал.

– Только не переусердствуй, Петя, познавая себя, не стань жертвой изнасилования.

И не старайся во всем разобраться, – продолжал он. – Разобрать-то ты себя, может, и разберешь, уму это дело привычное, да только кто же потом обратно все собирать будет? Дурака понять нельзя, бесполезное это дело, его можно только принять. Дурака не нужно думать, его нужно делать, собирая воедино то, что уже успел умом разобрать.

– Да уж... – закричал старик Петя. – Вот уж точно – нашел смысл жизни и крупно пожалел об этом... Как же не заблудиться в мудротени этой, как не ошибиться, в себя заглядывая?

– Привыкай, Петя, то ли еще будет, – вновь засмеялся колпак. – А ошибиться не бойся: любая ошибка – это законная часть твоего мира и навредить тебе ну никак не может – ведь и ты его такая же часть. Просто пойми, что ложных путей не бывает. Путь становится ложным, лишь когда врать начинаешь себе. Врать, что идешь, хоть давно только притворяешься в этом да на месте топчешься. Ведь идти – значит следовать ощущениям. А стоять – значит выполнять указания ума своего. Вспомни, о чем уже говорено было: истинный путь

не снаружи, а внутри.

Голос замолчал было, но напоследок все же не удержался, съехидничал советом.

– И никогда не прячь голову в песок на пути своем... Но если все же придется – просто притворись, что показываешь всем задницу.

* * *

Мальчик стоял посреди улицы и громко, в голос плакал, размазывая кулачками слезы по веснушчатым щекам. Старик Петя смотрел на картину ту недолго, ноги его сами к мальчишке подвели, успокоить чтоб, да сопли утереть.

– Мальчик, – спросил он участливо, – почему ты так горько плачешь?

– Потому что я по-другому не уме-е-ю... – еще горше заплакал мальчишка.

– Ну, хорошо, а зовут-то тебя как?

– Так же, как папу, – ответил всхлипывая мальчик.

– А папу как?

– Как меня-я...

– Вот и ладно, вот и хорошо, – настойчиво продолжал старик доброе дело творить. – Ну, так как вас обоих зовут?

– Одинаково-о-о... – зашелся в реве малыш.

Совсем было растерялся нестарый старик от дела такого мокрого, как вдруг голос рядом с ним раздался.

– Добраном его кличут, – сказал кто-то, из-за спины Петиндой выходя, да мальчонку к себе прижимая. – Добраном – так же, как меня. Потерялся, пострел, говорил же ему – не озоруй...

Мальчишка вмиг успокоился – глазами высох да конопушками своими заулыбался, засветился весь, словно солнышко рыжее. Улыбнувшись ему в ответ, Петя взор свой на папашу перевел да оторопел от увиденного.

Мужик был вида странного, даже очень – весь какой-то несвежий и сильно потрепанный. Была у него мятая, а местами и вовсе погрызанная одежда, столь же мятая и тоже будто пожеванная обувка, мятое-перемятое в придачу лицо и соломенные волосы, торчащие в разные стороны и, опять же, словно коровой пожеванные.

– Добран... странное какое имя, – сказал смущенно старик, делая вид, что имя знакомца его нового – это самое примечательное, что в том было.

– Странное, не странное, а ни одна сказка без меня не обходится, без описаний мытарств моих незаштошных... – то ли с горечью, то ли с гордостью даже сказал мужик пожеванный.

– Чудное дело, – уже вполне искренне удивился старик, – сколько по сказкам хаживаю, а о тебе что-то не слыхивал...

– Стыдно потому што всем за дела свои издевательские, вот они обо мне и помалкивают, – говорил Добран обиженным голосом. – Сказки, они ведь все на один манер заканчи-

ваются. Сам-то хоть помнишь – на какой именно?

– Ну, это... как оно там... – со скрипом вспоминал старик. – По усам, значит, потекло... потому как в рот так и не попало... Да бубликов вязка...

– Не то, не то, – поморщился Добран, – раньше чуток...

– ...Стали они жить-поживать, – вспоминал Петя дальше, – да добра наживать...

– Вот!.. – воскликнул Добран. – Вот! – теперь видишь? Жить, поживать стали, да Добрана жевать. Вот!!! Изверги, грамоте не обученные, что им до правил писания, им бы пожевать только. Как слышится, дескать, так и жуется...

Хотя, с другой стороны, – продолжал он, успокоившись чуток, – работа у меня, хоть и не очень приятная, зато всем необходимая – требуюсь во всех сказках сразу, не всегда поспеваю даже.

Сынок, вот, подрастает, – ласково мальчишку своего за вихры потрепал. – Сменой мне будет... Только рано еще его жевать. Учится он покуда, профессиональными секретами овладевает...

Старик Петя, не зная даже, что сказать, смотрел на Добрана молча да сочувственно, а тот продолжал:

– А как часок свободный выдается – пугалом по огородам подрабатываю, ворон да соек пугаю.

– Неужто получается? – удивился Петя.

– Еще как, вот наемни в соседней сказке работал, так вороны тамошние за прошлый год даже урожай вернули, лишь

бы меня никогда больше не видеть, – с гордостью сказал Добран.

Слушая Добрана, Петя как-то странно ощутил себя, будто нарастало в нем непонятное что-то – то ли несогласие какое, то ли напротив – понимание чего-то нового. Вспомнив о совете колпака дурацкого: не разбирать состояний своих, не раскладывать их на клочки уму понятные, – он так и поступил, просто продакавшись с ними.

– Ну и что? – подумалось ему вдруг. – Подумаешь, жуют человека... А почему бы и нет? Каждый несчастен ровно настолько, насколько полагает себя несчастным. Нравится Добрану жеванным быть – ну и на здоровье. Если уж сказка так распорядилась, если уж кого-то и вправду жевать надо... Тут главное – места чужого не занять да самому жеванным не оказаться.

Пошатываясь да ногой об ногу запинаясь, к ним мужичонка подошел, в подпитии легком.

– Люди добрые, – с надрывом душевным сказал он, – не оставьте в беде, помогите человеку советом... Где у этой улицы сторона противоположная?

– Там!.. – звонко сказал Добран-младший, пальцем показывая.

Мужик постоял, покачиваясь, погладил мальчонку рыжего по голове и вздохнул печально:

– Да нет, там я уже был... Там мне сказали, что здесь...
И обреченно прочь побрел.

Петя ошарашенно поглядел ему вслед.

– Ну и дела, – подумал он, – странный какой-то народец сказку эту населяет...

О поисках своих дурацких Добрану рассказал, тот только плечами пожал да в трактир сходить предложил.

– Туда все новости со сплетнями слетаются. И пожевать чего-нибудь не помешает, сил набраться перед тем, как самого жевать будут.

Трактир отыскался неподалеку. Добран с сынишкой живо за столом пристроился да старика, у двери застрявшего, позвал.

– Садись, Петя, – сказал ему, – в ногах правды нет.

– Да уж, – пробормотал старик, присаживаясь, – похоже, что только это о ней и ведомо...

– Эй, трактирщик, – подозвал он здоровенного небритого детину в грязном фартуке, – можно мне мяса?

Тот мрачно и оценивающе глянул на него и сказал удивленно:

– А откуда я знаю – можно тебе мяса или нет?

Старику спорить не хотелось.

– Ладно, – сказал он, – давай тогда по-другому. Я хочу то, что едят во-он те люди, – ткнул он пальцем в соседний стол.

– Это невозможно.

– Почему же? – удивился Петя.

– Они не отдадут, – сказал с достоинством трактирщик и удалился.

С грехом пополам, но заказать обед все же удалось. Заглянув в поставленную перед ним тарелку, Петя поскреб в ней ложкой и удивленно спросил у трактирщика.

– А мясо-то в супе положено?

– Положено, – ответил тот.

– Так ведь не положено!

– Значит, не положено, – невозмутимо ответил трактирщик.

Добран, который ел только овощи, тоже недоволен был – и помидоры ему какие-то мятые принесли, и огурцы несвежие, и капуста, словно уже жеванная кем-то... Но его трактирщик даже слушать не стал.

– Кто бы говорил, – сказал он. – На себя лучше посмотри...

И в дальний угол трактира отправился, где кто-то орал пьяным голосом:

– Эй, трактирщик! Дверь неси – выйти хочу!

Петя ел молча, в ощущениях своих разобраться пытаясь.

– В странную сказку я попал, – думал он, – будто наизнанку вывернутую. Все здесь как-то не так, все непривычно да непредсказуемо. Не знаешь, что через секунду случится, как на вопрос твой ответят, что делать будут. Какая-то шиворот-навыворотная сказка... Будто другим законам люди в ней обучены, по иным правилам живут, слова другие говорят... Хотя нет – слова-то как раз все знакомые, вот только смысла в них ни на грош... Хотя и это не так – есть в них

СМЫСЛ, но тоже вывернутый какой-то, такой же, как вся сказка эта.

Словно в подтверждение мыслей своих, разговор краем уха подслушал.

– Ну и здорово же тебя отделали! – говорил кто-то неподалеку восхищенным голосом.

– Что ж ты хочешь, – отвечали ему, – ручная работа!

– Вот странное дело, – думал Петя дальше, – куда же он подевался, смысл слов-то?.. А может, никуда и не подевался, может, он как раз в словах и заблудился? Больно много смысла у людей скопилось, причем у каждого он свой и все-непрерывно – самый правильный, а слов-то мало в природе человеческой, вот они врать и начинают.

Так это что ж такое получается, – удивлялся он открытиям своим, – если смысл у каждого свой, то и мир каждый вокруг себя точно такой же создает – лишь его смыслу соответствующий, да закону, именно в нем живущему? Выходит, нам это только кажется, что мы в мире едином живем... На самом деле – у каждого он свой... и у каждого он самый правильный!

– Верно, Петя, – услышал старик довольный голос в голове своей, – каждый заблуждается в меру своих возможностей. Поэтому не требуй от него невозможного – не жди, что он начнет заблуждаться в меру твоих возможностей. А если тебе все же очень хочется сказать что-то умное, просто посчитай до десяти – само пройдет.

– Но ведь правила мы сами определяем, – продолжал рассуждения свои Петя, – а что, если взять да разрушить всю истинность их ненастоящую? Просто сказать всему обязательному и всенепременному: «Ну и что?» – да посмеяться над его серьезностью и значимостью. Ведь что такое серьезность? – всего лишь способ простые вещи сложными делать... А смех всему простоту изначальную возвращает.

– Точно, точно, – поддержал его колпак, – чем безвыходнее положение, тем возможнее смех. Поэтому – никогда не забывай улыбаться, Петя, это заставит окружающих ломать голову над тем, что у тебя на уме. А уж если ты засмеешься...

Неожиданно Петя имя знакомое услышал да разом все беседы мысленные оборвал. Неподалеку мужики о Дураке разговор вели. Прислушался к ним старик, уши топориком наострив...

– Сплетни ходят – объявился в краях здешних Дурак какой-то ничейный, ко двору не пристроенный. Сказками шляется, тень на плетень наводит да правду на чистую воду вывести грозит.

– А я слышал, саму Золотую Рыбку от дел ее волшебных отвадил...

– Быть того не может!..

– Брешут, что может... Вроде, поймал случайно Дурак Рыбку эту, а она ему, как положено, и говорит: «Исполню, дескать, любое твоё желание...» А он ей в ответ: «А можно мне подумать?» Тужилась Золотая Рыбка, пыжилась, но да-

же ей такое желание Дурака выполнить не под силу оказалось. Опечалилась она сильно, да позора такого не пережив – на отдых по выслуге лет сказочных отправилась.

– Подумаешь, Рыбка... У нашего царя тоже такая имеется. Так он ее каждое утро тренирует – сразу по три желания ей загадывает.

– И што?

– Отгадывает, шельма...

– А я вот слышал, что отловили уже Дурака да за беглость его наглуую в острог посадили. Там и сидит...

– Да нет – сидел. Говорят, убег он уже оттудова. Да как всегда, по-дурацки... Ведь выходы там все под охраной, так он, стервец такой, взял да через вход вышел...

Постепенно разговор у мужиков на иную тему сполз, и Петя, поняв, что ничего нового уже не услышит, простился с Добраном да прочь из трактира подался.

Пока по улице шел, бродяга нищий за ним увязался, оборванный весь да волосами рыжими до безобразия заросший. Позади старика брел, пританцовывая, да что-то невнятное под нос бормоча.

Через несколько шагов Петя уже и думать о нем забыл. Как вдруг раздался за его спиной голос насмешливый.

– В поисках своих, Петя, обходи коня спереди, козла сзади, а умного – со всех сторон... – сказал кто-то и засмеялся негромким смехом.

Обернулся старик да на глаза ясные, смехом искрящие-

ся, как на луч солнечный, нарвался. Будто ослепило его на мгновенье светом смеющимся... Миг всего – и вновь стоит перед ним рваный бродяга рыжий да глаза в землю прячет.

Постоял так немного да вдруг снова голос подал.

– Дурака ищешь? – спросил он и на мгновенье глаза на старика вскинул. И вновь смехом ярким, словно лучом солнечным сверкнуло Пете. – Помогу...

– Мост видишь? – Петя невольно обернулся вслед за пальцем его. – Пройдешь по нему до середины – и сразу направо...

Пока до старика сказанное дойти пыталось, да пока он обратно оборачивался – рыжего уже и след простыл. Лишь смех его все еще звучал странным образом рядом, словно в воздухе зависнув...

– Да неужто это сам Дурак и был?.. – аж задохнулся Петя от догадки такой смелой... Вот только додумать он ее до конца не успел – кто-то за руку его дернул.

– ...Мил человек, – услышал он голос измученный, – ну хоть ты мне подсказку подскажи – да где ж тут сторона противоположная у улицы этой окаянной?!

* * *

От досады за нерасторопность свою, прицепился старик с упреками к колпаку дурацкому, претензии да обиды ему высказывая.

– Учить ведь обещался, – говорил он, – в Дураки вывести грозился, да только где ж она – учеба-то? Так умным и померешь с тобой...

– Учиться?.. – отозвался наконец голос внутри. – Ладно. Только смотри – чтоб без обид потом. Вон, видишь, мужики в карты играют? Иди и ты играй.

– Это еще зачем? – удивился Петя.

Но колпак уже молчал. Повозмущался старик, поругался, да делать нечего – пошел в карты играть.

Не минуло и часа – продулся Петя в пух и прах, все, что царь ему в дорогу дал, проиграл. Стоял он посреди улицы – дурак-дураком просто, даже на ночлег копейки не осталось.

– Ну и как, Петя, урок прошел? – раздался в нем голос вкрадчивый.

– Какой же это урок? – разобиделся старик. – Стою, вот и ощущаю себя полным идиотом.

– Ну, что ж – поздравляю, – засмеялся голос, – для первого раза ты многому научился.

– Ерунда это какая-то, а не урок! – уже не на шутку разозлился старик.

– Да, ерунда, – согласился колпак, посмеиваясь. – Но заметь – только ерундой можно заниматься бесконечно. Поэтому занимайся ерундой, Петя, и жить будешь долго!

– Ну да, ну, конечно, – съязвил Петя, – если бы глаза были сзади, то зад был бы спереди, а перед – там, где зад... Ты просто переворачиваешь все с ног на голову, выворачива-

ешь все наизнанку и делаешь вид, будто мудрости говоришь.
А это всего лишь перевертыши какие-то, словами пустыми
жонглирование...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.